УДК 94(47)"1941/1945":343.7
JEL: N44, K42, H56
EDN: YDBOXE

Оригинальная научная статья
ВАК 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ИЗ ОПЫТА ЭВАКУАЦИИ СОВЕТСКИХ ДЕТСКИХ ДОМОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОХРАНА ИМУЩЕСТВА И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХИЩЕНИЯ

Александр Егорович Епифанов

Научно-исследовательский центр федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», 125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, e-mail: mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770, AuthorID: 318625

Аннотация. **Введение.** Статья посвящена организационно-правовым основам эвакуации детских домов советского государства в годы Великой Отечественной войны и практике привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, допустивших хищение имущества, вверенного им для содержания эвакуированных детей. Актуальность обращения к данной теме определяется не только значением исторической памяти о войне, но и практической потребностью в осмыслении опыта функционирования системы экстренной эвакуации детских учреждений применительно к современным механизмам обеспечения безопасности детей в кризисных и чрезвычайных ситуациях: важно понять, как организационно-правовой механизм эвакуации действовал в условиях стремительного продвижения противника, какие трудности приходилось преодолевать педагогическим коллективам и воспитанникам детских домов и какими правовыми средствами государство защищало имущественные интересы эвакуированных детских учреждений.

Методы. Эмпирическую основу исследования составили нормативные правовые акты военного времени, регулировавшие эвакуацию населения и детских учреждений, статистические и документальные публикации, а также материалы архивного уголовного дела из Архива Информационного центра ГУ МВД России по Волгоградской области в отношении директора эвакуированного детского дома, обвинённой в хищении государственного имущества. Использованы историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также метод анализа документов, позволивший реконструировать фактические обстоятельства конкретного уголовного дела на основе материалов следствия и суда.

Результаты. В результате исследования установлено, что централизованный, но не обеспеченный текущим контролем в момент самой эвакуации порядок передачи имущества детских домов создавал объективные предпосылки для злоупотреблений со стороны должностных лиц, а советское государство рассматривало посягательства на имущество, предназначенное для детей, оставшихся без попечения родителей, как одно из наиболее социально опасных посягательств на социалистическую собственность, применяя к виновным наиболее суровые меры уголовной репрессии.

Обсуждение. Научная новизна исследования состоит в том, что архивное уголовное дело в отношении директора детского дома № 49 Прищепинского района Днепропетровской области, эвакуированного в Сталинградскую область, впервые вводится в научный оборот и подвергается комплексному историко-правовому анализу.

Ключевые слова: эвакуация, детский дом, Великая Отечественная война, Наркомпрос, социалистическая собственность, хищение, постановление от 7 августа 1932 года, высшая мера наказания, Сталинградская область, Информационный центр ГУ МВД России по Волгоградской области, уголовная ответственность.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Епифанов А.Е. Из опыта эвакуации советских детских домов в годы Великой Отечественной войны: охрана имущества и уголовная ответственность за хищения. Государственное управление и право. 2026. № 3(11). С. 242-249. EDN: YDBOXE

© Епифанов А.Е., 2026

UDC 94(47)"1941/1945":343.7
JEL: N44, K42, H56
EDN: YDBOXE

Original scientific article
HAC 5.1.1. Theoretical and historical law sciences

FROM THE EXPERIENCE OF EVACUATING SOVIET ORPHANAGES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: PROPERTY PROTECTION AND CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT

Aleksandr E. Epifanov

Research Center of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Education "Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation", 125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskiy Str., 8, e-mail: mvd_djaty@mail.ru, https://orcid. org/0000-0002-5686-5770, AuthorID: 318625

Annotation. **Introduction.** The article is devoted to the organizational and legal foundations of the evacuation of children's homes of the Soviet state during the Great Patriotic War and to the practice of prosecuting officials who embezzled property entrusted to them for the maintenance of evacuated children. The relevance of the topic is determined not only by the significance of historical memory of the war, but also by the practical need to comprehend the experience of the emergency evacuation system as applied to modern mechanisms for ensuring children's safety in crisis and emergency situations.

Methods. The empirical basis of the study consists of wartime legislative acts regulating the evacuation of the population and children's institutions, statistical and documentary publications, as well as materials of an archival criminal case held at the Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Volgograd Region against the director of an evacuated children's home accused of embezzling state property. Historical-legal, formal-legal and comparative-legal methods were used, together with document analysis, which made it possible to reconstruct the factual circumstances of a specific criminal case on the basis of investigative and judicial materials.

Results. The study establishes that the centralized, yet poorly controlled, procedure for transferring the property of children's homes at the moment of evacuation objectively created preconditions for abuse by officials, while the Soviet state treated encroachments on property intended for children left without parental care as one of the most socially dangerous offences against socialist property, applying the most severe measures of criminal repression to the guilty.

Discussion. The scientific novelty of the study lies in the fact that the archival criminal case against the director of children's home No. 49 of the Prishchepinsky district of the Dnepropetrovsk region, evacuated to the Stalingrad region, is introduced into scholarly circulation for the first time and subjected to comprehensive historical-legal analysis.

Keywords: evacuation, children's home, Great Patriotic War, People's Commissariat of Education, socialist property, embezzlement, Resolution of 7 August 1932, capital punishment, Stalingrad Region, Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Volgograd Region, criminal liability.

Financing information: this study was carried out without external funding.

For citation: Epifanov, A.E. (2026). From the experience of evacuating Soviet orphanages during the Great Patriotic War: property protection and criminal liability for theft. Public administration and law, 3(11), 242-249. EDN: YDBOXE

Введение

Среди множества последствий, которые Великая Отечественная война обрушила на советское общество, вынужденное перемещение гражданского населения из прифронтовой полосы занимает особое место, а внутри этого процесса обособленную и до сих пор слабо изученную группу составляют дети, лишённые родительского попечения. Если для школьника или воспитанника детского сада эвакуация, как правило, означала переезд вместе с семьёй либо под её пусть удалённым, но контролем, то для воспитанника детского дома она означала полную передачу его судьбы в руки государства и тех конкретных должностных лиц, которым доверялось управление детским учреждением. Вопрос о том, насколько добросовестно эти лица распоряжались вверенными им детьми и имуществом, важен не только для исторической памяти: организационные механизмы экстренной эвакуации закрытых детских учреждений с 1941 г. изменились не настолько радикально, чтобы этот опыт можно было списать в архив, – он сохраняет практическое значение для современных систем чрезвычайного реагирования и обеспечения безопасности детей в кризисных ситуациях.

Отсюда вытекает и специфика эвакуации именно детских домов в сравнении с эвакуацией школ и детских садов: отсутствие какого-либо «семейного буфера» между ребёнком и государственным снабжением делало контроль за полнотой и ка-

© Epifanov A.E., 2026

чеством обеспечения воспитанников целиком делом самого государства и его должностных лиц, а любой сбой в этом контроле немедленно и напрямую отражался на детях, не имевших иной защиты. Это обстоятельство и оправдывает отдельное рассмотрение как организационных условий эвакуации детских домов, так и – что составляет главный предмет настоящей статьи – практики привлечения к уголовной ответственности лиц, злоупотребивших своим служебным положением в ущерб эвакуированным детям.

Историография вопроса развивалась по нескольким направлениям, ни одно из которых, впрочем, не исчерпывает его полностью. Регламентацию, планирование, маршруты и транспортное обеспечение эвакуации школ, детских садов и центрального аппарата Наркомпроса РСФСР, а также распределение эвакуированных детей по регионам приёма подробно реконструировал А.Е. Епифанов [16]. Приём и обустройство эвакуированных детских домов и интернатов в западносибирском тылу, включая организационно-производственные и социальные последствия этого процесса, – предмет работы Л.И. Снегирёвой [15]. Сопоставительная статистика размещения эвакуированных детей по различным регионам страны и связанные с этим трудности выживания в тылу изучены Н.В. Бельской [14], тогда как общую картину эвакуации детского населения СССР в 1941-1942 гг., включая данные о вывозе детских домов из прифронтовой полосы, воссоздали Г.И. Александрова и В.Н. Александров [13].

За рамками перечисленных работ, однако, остаётся вопрос об ответственности должностных лиц детских учреждений за злоупотребления, допущенные ими непосредственно в процессе эвакуации имущества и на новом месте размещения детей: имеющаяся литература сосредоточена на организационно-бытовой стороне приёма и устройства эвакуированных детей, тогда как случаи уголовного преследования за хищение имущества детских домов до сих пор не становились предметом отдельного историко-правового анализа. Восполнить этот пробел призвано архивное уголовное дело из Архива Информационного центра ГУ МВД России по Волгоградской области, которое и составляет эмпирическое ядро настоящей статьи.

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования является историко-правовая характеристика организационно-правовых основ эвакуации детских домов советского государства в 1941-1945 гг. и практики применения норм об охране социалистической собственности к должностным лицам детских учреждений, допустившим хищение эвакуированного имущества, на основе анализа архивного уголовного дела, ранее не введённого в научный оборот.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования были сформулированы следующие задачи:

охарактеризовать нормативно-правовую базу эвакуации населения и детских учреждений в 1941-1943 гг.;

определить масштабы и организационные особенности эвакуации детских домов в тыловые регионы страны;

выявить структурные предпосылки злоупотреблений должностных лиц детских учреждений в процессе эвакуации имущества;

охарактеризовать нормативную базу уголовной ответственности за хищение социалистической собственности, применявшуюся к указанной категории лиц;

ввести в научный оборот и проанализировать материалы архивного уголовного дела в отношении директора эвакуированного детского дома;

оценить значение рассмотренного дела для понимания практики советского правосудия военного времени в сфере защиты имущественных интересов детских учреждений.

Методы исследования

В основу работы положены четыре взаимодополняющих метода: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и анализ документов. С помощью историко-правового метода нормативное регулирование эвакуации детских учреждений и охраны их имущества рассмотрено в динамике, применительно к конкретным условиям военного времени. Формально-юридический метод потребовался для точной реконструкции содержания правовых норм, определявших ответственность за хищение социалистической собственности. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить общие нормы Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. со специальным постановлением от 7 августа 1932 г. и выявить их соотношение. Наконец, анализ документов – постановления об аресте, обвинительного заключения, приговора и иных материалов архивного уголовного дела – лёг в основу реконструкции фактических обстоятельств дела и практики его правового разрешения.

Результаты исследования и их обсуждение

С первых же дней войны перед советским руководством встала задача в кратчайшие сроки выстроить организационно-правовой механизм, способный обеспечить перемещение населения, промышленности и социальной инфраструктуры из районов, которым угрожала оккупация. Решение не заставило себя ждать: уже 24 июня 1941 г. совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован специальный координирующий орган – Совет по эвакуации при СНК СССР, на ко-

торый и легло общее руководство перемещением населения, учреждений и материальных ценностей в тыл [1]. Спустя менее чем две недели, 5 июля 1941 г., Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР «О порядке эвакуации населения в военное время», закрепившее очерёдность вывоза, транспортное обеспечение и порядок учёта эвакуируемых [2].

Эвакуация детей довольно быстро выделилась в самостоятельное направление государственной политики: уже в июле 1941 г. Москва начала вывозить детей – в составе интернатов, детских домов, детских садов и просто вместе с родителями, – а всего за один октябрь 1941 г. город покинули порядка 500 тысяч детей [13]. Но чем дольше шла война, тем острее вставал вопрос о судьбе тех, кто в её ходе лишился родителей – погибших на фронте, оставшихся в оккупации или просто потерянных в неразберихе эвакуации. Ответом на эту проблему стало постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [10]: оно возложило персональную ответственность за судьбу таких детей на руководителей республиканских совнаркомов и местных органов власти и предписало создать при исполкомах местных Советов специальные комиссии по устройству детей. Эта линия была продолжена постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» [11], которое дало НКВД СССР право открывать дополнительные трудовые воспитательные колонии и увеличило финансирование соответствующих мероприятий, а также постановлением ЦК ВЛКСМ от 7 августа 1942 г. «О мерах комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью» [12], привлекшим к этой работе комсомольские организации на местах.

Цифры дают представление о подлинном масштабе происходившего: к концу 1942 г. из фронтовых и угрожаемых районов страны успели вывезти 976 детских домов со 107 223 воспитанниками [13], а тыловые районы РСФСР к концу весны того же года приняли уже 1 648 эвакуированных детских учреждений с контингентом 188 364 ребёнка [14]. При этом заметную долю среди них составляли не изначально «организованные» воспитанники, а дети, потерявшие родителей уже по ходу войны, – только за 1942 г. органы НКВД подобрали на улицах и рынках страны 252 тысячи безнадзорных детей. Показательна и региональная статистика: так, Казахская ССР к рассматриваемому периоду приняла 104 детских дома с 12 859 воспитанниками (в том числе 385 детей, прибывших индивидуально, вне состава детских учреждений) и 16 интернатов московских школьников с 2 304 детьми [14].

Показателен в этом смысле и пример самого Наркомпроса РСФСР, чей центральный аппарат покинул Москву далеко не в первую очередь: в перечне наркоматов и главных управлений, подлежавших полному или частичному переводу из столицы по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., ведомство В.П. Потёмкина попросту не значилось [3]. Когда же очередь дошла и до него, Наркомпросу выделили 20 вагонов – 13 товарных и 7 пассажирских [4]; основная группа сотрудников отправилась в Киров 16 июля 1941 г. и добиралась туда пять суток товарным поездом, а сам нарком просвещения РСФСР В.П. Потёмкин присоединился к своему эвакуированному ведомству лишь после 16 октября 1941 г. – когда противник уже вплотную подошёл к Москве [6]. Принимающий Киров, со своей стороны, тоже готовился заранее: еще 2 июля 1941 г. областной совет распорядился закрыть 35 организаций и перевести ещё 39 из города в сельские районы, освобождая помещения под будущих эвакуированных [5].

Насколько непросто давалась эта работа даже в столице, видно из докладной записки самого В.П. Потёмкина председателю Совета по эвакуации Н.М. Швернику от 23 сентября 1941 г.: дополнительную эвакуацию детей Моссовет вёл неудовлетворительно, районные организации включились в работу со значительным опозданием, контингенты подлежащих эвакуации детей вовремя не уточнялись, а часть родителей и вовсе отказывалась отправлять детей – из-за отсутствия тёплой одежды и обуви и высокой платы за содержание [7]. В качестве срочных мер предлагалось незамедлительно уточнить контингенты, развернуть разъяснительную работу среди родителей и принимать помещения под интернаты строго по акту. Общее организационное руководство эвакуацией детей по городу было возложено на специальную комиссию, созданную решением Мосгорисполкома № 26/7 «Об эвакуации детей» от 1 июля 1941 г. и приказом по Московскому городскому отделу народного образования № 932 от 17 сентября 1941 г. [8].

На новом месте эвакуированные детские учреждения почти везде упирались в одни и те же материальные трудности. Тамбовская область, принявшая в 1941 г. 12 детских садов с 510 детьми (7 из них, за отсутствием рядом родителей, пришлось реорганизовать в интернаты), – характерный тому пример [9]. Если мебелью и мягким инвентарём эти учреждения были обеспечены более или менее сносно, то с обмундированием дело обстояло куда хуже: воспитанники интернатов Избердеевского и Ламского районов оставались без пальто и обуви [9]. Выручали подсобные хозяйства – в 1943 г. тамбовские интернаты обработали

18,37 га земли под зерновые, картофель и овощи и держали лошадь, 9 коров, 8 свиней, овцу и 30 кур [9].

Два этих обстоятельства, наложившись друг на друга, и породили структурную уязвимость детских домов как объекта злоупотреблений: с одной стороны – централизованное снабжение дефицитными в военное время продовольствием, мануфактурой, обувью и постельными принадлежностями, с другой – стремительность, а порой и откровенная паника самой эвакуации, при которой оформить передаваемое имущество документально вовремя попросту не успевали. В результате на весь путь следования деньги, продукты и промтовары, предназначенные для детей, оставшихся без родительского попечения, оказывались в руках одного-единственного человека – директора, – причём практически без какого-либо текущего контроля. Именно эта возможность, открывавшаяся в момент максимальной организационной неразберихи, и стала – как показывает рассматриваемое ниже дело – реальностью для одного из эвакуированных детских домов.

Подобные злоупотребления советское государство спускать не собиралось: посягательства на имущество детских учреждений расценивались им как деяние повышенной общественной опасности. Общей правовой основой ответственности служили статьи 109 и 116 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. – за злоупотребление служебным положением и за растрату вверенного имущества, с санкцией до 10 лет лишения свободы по каждой [17]. Но если речь заходила о хищении в крупных размерах, в дело вступала куда более жёсткая норма – постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [18]. Уравняв по значимости государственное, колхозное и кооперативное имущество, оно допускало применение к расхитителям высшей меры социальной защиты – расстрела, – заменяемой при смягчающих обстоятельствах десятью годами лишения свободы с конфискацией имущества. Как показывает рассматриваемое ниже дело, именно эта, более суровая, норма применялась и к директорам детских учреждений, присвоившим эвакуированное имущество и продовольствие, предназначенные для детей.

Именно такой случай зафиксирован в уголовном деле М.П. Капельки – директора детского дома № 49 Прищепинского района Днепропетровской области, эвакуированного осенью 1941 г. в Николаевский район Сталинградской области; дело хранится в Архиве Информационного центра ГУ МВД России по Волгоградской области [19].

1901 года рождения, украинка, из крестьян с. Куцувановки Онуфриевского района Кировоградской области, член ВКП(б) с 1930 г., ранее не судимая, – М.П. Капелька к началу войны возглавляла детский дом № 49. Когда фронт стал приближаться к Прищепинскому району, руководство предложило ей эвакуироваться вместе с воспитанниками в Сталинградскую область, и 4 октября 1941 г. она привезла в Николаевский район 82 ребёнка. С передачей детдома и его имущества районному отделу народного образования (РОНО), однако, Капелька не торопилась: получив от райсовета назначение на новую должность, она сначала перевезла своё личное имущество на квартиру в колхоз «Красное Знамя» и лишь спустя несколько дней передала РОНО имущество детдома – причём, как заключила принимавшая комиссия, пригодное лишь на 60-70 %. Насторожило работников РОНО и то, что Капелька не сдала ни мануфактуры, ни постельного белья и не отчиталась в деньгах, выделенных на питание детей в пути [19].

Её путаные и противоречивые объяснения по поводу недостающего имущества вызвали подозрение, и 7-8 октября 1941 г. сотрудники Николаевского районного отделения рабоче-крестьянской милиции провели личный обыск Капельки и обыск её квартиры. В пиджаке при ней нашли свыше 17 тысяч рублей, в чемодане – две детские наволочки; на квартире же, в колхозе «Красное Знамя», обнаружились баян, стоимостью 1 853 рубля, шерстяной ковёр, стоимостью 200 рублей, 428 метров мануфактуры стоимостью 2 266 рублей, детская одежда и обувь, хозяйственное и туалетное мыло 50 кусков, 19 мешков муки 75 % весом 1 210 кг и мешок манной крупы весом 56 кг. Найденное имущество детдома следствие оценило в 7 870 рублей, а изъятые деньги составили 17 213 рублей [19]. Уже 8 октября 1941 г. Капельку арестовали – по постановлению начальника Николаевского РО РКМ, сержанта госбезопасности В.В. Улановского, – и заключили в Камышинскую тюрьму [19].

Свою вину Капелька отрицала: по её версии, вещи попали к ней «по ошибке», поскольку мешки с имуществом детдома испортились в дороге и их содержимое пришлось переложить в собственные; муку она якобы взяла, чтобы расплатиться с работниками, ухаживавшими за детьми в пути; а из изъятых денег детдому принадлежат лишь 8 789 рублей – остальное её личные средства. Следствие сочло эти объяснения несостоятельными. Свидетели показали, что погрузкой имущества на пристани руководила сама Капелька, заранее решая, что повезёт к себе на квартиру, а что – в детдом; ревизор районного финансового отдела Г.П. Шелест, в свою очередь, установил, что на спецсчёте подсобного

хозяйства детдома в Госбанке к моменту эвакуации хранилось около 13 000 рублей – Капелька забрала их с собой, – а сверх того она получила в Госбанке еще 10 800 рублей на питание детей в дороге. Отсюда следствие заключило, что все обнаруженные при обыске 17 213 рублей принадлежат детскому дому [19]. 18 декабря 1941 г. прокурор следственного отдела Карпова составила в Сталинграде обвинительное заключение, квалифицировав содеянное по закону от 7 августа 1932 г., и дело ушло на рассмотрение областного суда [19].

30 декабря 1941 г. дело слушалось в открытом заседании Судебной коллегии по уголовным делам Сталинградского областного суда в г. Камышине – под председательством судьи Д.С. Миронова, с участием народных заседателей П.С. Мартазиновой, Д.В. Пеновой и защитника, адвоката А.Р. Архипова. Суд счёл преступление совершённым в военное время и особо социально опасным по характеру и, руководствуясь ст. 319-320 УПК РСФСР, приговорил Капельку по закону от 7 августа 1932 г. к высшей мере наказания – расстрелу – с конфискацией имущества; изъятые вещи, продукты и деньги предписывалось передать уполномоченному РОНО Николаевского района как принадлежащие детскому дому № 49, а сам приговор можно было обжаловать в кассационном порядке в течение 72 часов с момента вручения его копии осуждённой [19].

Однако, судя по материалам дела, непосредственно после провозглашения приговор в исполнение приведен не был. Отметка о его исполнении говорит о другом: выписку из приговора вместе с личным делом осуждённой направили в исправительно-трудовой лагерь, а саму Капельку в тот же день, 30 декабря 1941 г., передали конвою для этапирования [19]. Так оформлялась именно замена расстрела лишением свободы – возможность, прямо предусмотренную самим законом от 7 августа 1932 г. «при смягчающих вину обстоятельствах» [18], – а вовсе не исполнение смертного приговора, которое фиксировалось совершенно иначе. Отсюда можно предположить, что высшую меру наказания Капельке впоследствии заменили длительным сроком заключения в лагере; точный срок и место дальнейшего отбывания наказания доступные материалы дела не раскрывают, и это требует дополнительного архивного уточнения.

Что же в итоге показывает это дело? Прежде всего – конкретное подтверждение уже описанной структурной уязвимости эвакуированных детских домов: хищение вскрылось не благодаря плановому финансовому контролю, а лишь по настороженности работников принимающего РОНО при приёме дел. Далее – крайнюю скорость и жесткость реакции: между обнаружением недостачи и приговором прошло менее трёх месяцев, а наказанием стала высшая мера – суд выбрал самую суровую из санкций, допускаемых законом от 7 августа 1932 г. Кроме того, и обвинительное заключение, и приговор снова и снова подчёркивают, что похищенное принадлежало именно детскому дому, – и это обстоятельство суд, судя по мотивировочной части приговора, учитывал наряду с военным временем при оценке общественной опасности содеянного. Наконец, тот факт, что осуждённую в итоге передали конвою для этапирования в лагерь, а не привели приговор в исполнение на месте, говорит о дифференцированном подходе даже к делам, завершившимся высшей мерой наказания.

Выводы

Проведённое исследование даёт основания для нескольких выводов об организационно-правовых основах эвакуации детских домов советского государства в годы Великой Отечественной войны и о практике уголовного преследования за хищения в этой сфере.

Прежде всего, эвакуация детских домов заметно отличалась от эвакуации школ и детских садов: их воспитанники были полностью лишены родительского попечения и целиком зависели от добросовестности лиц, которым доверялось их содержание, а значит, оказывались одной из наименее защищённых категорий эвакуированного населения.

Кроме того, анализ показал: централизованная система снабжения детских домов, закреплённая постановлениями СНК СССР от 24 июня и 5 июля 1941 г., от 23 января 1942 г. и от 15 июня 1943 г., в условиях стремительной эвакуации не подкреплялась сколько-нибудь действенным текущим контролем за вверенным имуществом – и именно этот пробел сделал возможными злоупотребления, рассмотренные на примере дела М.П. Капельки.

Далее, в глазах советского государства посягательства на имущество, предназначенное для детей, оставшихся без попечения родителей, представляли собой едва ли не самую опасную разновидность посягательств на социалистическую собственность – виновным грозили самые суровые меры, допускаемые постановлением от 7 августа 1932 г., вплоть до высшей меры наказания.

Наконец, даже вынесение расстрельного приговора по такого рода делам не исключало последующей его замены лишением свободы, – а это уже свидетельствует о дифференцированном характере репрессивной политики советского государства в отношении имущественных преступлений военного времени.

Научная новизна исследования состоит в том, что архивное уголовное дело

в отношении М.П. Капельки, директора детского дома № 49 Прищепинского района Днепропетровской области, хранящееся в Архиве Информационного центра ГУ МВД России по Волгоградской области, впервые вводится в научный оборот и подвергается комплексному историко-правовому анализу. В предшествующей историографии организационно-правовые аспекты эвакуации детских учреждений рассматривались преимущественно с точки зрения их приёма, размещения и материально-бытового обеспечения, тогда как практика уголовного преследования должностных лиц детских домов за хищение вверенного им имущества специальному анализу не подвергалась. Настоящее исследование восполняет данный пробел, показывая на конкретном архивном материале механизм выявления, расследования и судебного разрешения подобных дел, а также характер и суровость применявшихся мер уголовной репрессии. Дальнейшее выявление и введение в научный оборот подобных дел в региональных архивах, включая уточнение дальнейшей судьбы вынесенных по ним приговоров, позволит составить более полную картину функционирования механизма ответственности за преступления против детей в годы Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании Совета по эвакуации» от 24 июня 1941 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 659. Л. 67.
2. Постановление СНК СССР «О порядке эвакуации населения в военное время» (утверждено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1941 г.).
3. Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. 226 с.
4. ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 542. Л. 154-159.
5. Холмс Ларри. Война и эвакуация 1941 г.: всё как всегда? Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 3(1). С. 32-42.
6. Головизнина Н.Л. Министры образования в Вятке. Вятские записки. 2018. Вып. 34. 224 с.
7. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 40. Д. 3074. Л. 1-2.
8. Московское образование в годы войны. 1941-1945. Москва: Жизнь и мысль; Московские учебники, 2007. 528 с.
9. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 3714. Оп. 1. Д. 147.
10. Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197.
11. Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством».
12. Постановление ЦК ВЛКСМ от 7 августа 1942 г. «О мерах комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью».
13. Александрова Г.И., Александров В.Н. Эвакуация детского населения советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.). URL: https://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Istoria/71887.doc.htm.
14. Бельская Н.В. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу. Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 169-179.
15. Снегирёва Л.И. Приём и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941-1943 гг.). Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2018. № 5. С. 143-154.
16. Епифанов А.Е. Из опыта эвакуации детских и образовательных учреждений советского государства в годы Великой Отечественной войны. Государственная служба и кадры. 2025. № 1.
17. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (в редакции, действовавшей в период Великой Отечественной войны). Ст. 109, 116.
18. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
19. Архив Информационного центра ГУ МВД России по Волгоградской области. Уголовное дело № 26204-3/91 по обвинению М.П. Капельки по закону от 7 августа 1932 г. На 61 л.

Информация об авторе
Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД Росси

REFERENCES

1. Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Council of People's Commissars of the USSR "On the Creation of the Evacuation Council" of June 24, 1941. RGASPI. F. 17. Op. 166. D. 659. L. 67. (In Russ.)
2. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On the Procedure for Evacuation of the Population in Wartime" (approved by the resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of July 5, 1941). (In Russ.)

3. News of the Central Committee of the CPSU. 1990. No. 12. 226 p. (In Russ.)
4. GARF. F. 6822. Op. 1. D. 542. L. 154-159. (In Russ.)
5. Holmes, Larry. (2012). War and evacuation of 1941: everything as always? Bulletin of Vyatka State University, 3(1), 32-42. (In Russ.)
6. Goloviznina, N.L. (2018). Ministers of education in Vyatka. Vyatka Notes, Issue 34. 224 p. (In Russ.)
7. GARF. F. 259. Op. 40. D. 3074. L. 1-2. (In Russ.)
8. Moscow Education during the War Years. 1941-1945. (2007). Moscow: Zhizn i Mysl; Moskovskie Uchebniki. 528 p. (In Russ.)
9. State Archive of the Tambov Region. F. 3714. Op. 1. D. 147. (In Russ.)
10. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of January 23, 1942 No. 75 "On the Placement of Children Left without Parents". GARF. F. R-5446. Op. 1. D. 197. (In Russ.)
11. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of June 15, 1943 No. 659 "On Strengthening Measures to Combat Child Homelessness, Neglect and Hooliganism". (In Russ.)
12. Resolution of the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League of August 7, 1942 "On Measures of Komsomol Organizations to Combat Child Neglect and Homelessness". (In Russ.)
13. Aleksandrova, G.I., Aleksandrov, V.N. (n.d.) Evacuation of the child population of the Soviet state during the Great Patriotic War (1941-1942). URL: https://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Istoria/71887.doc.htm. (In Russ.)
14. Belskaya, N.V. (2016). Evacuated children: difficulties of survival in the rear. Demographic Review, 3(2), 169-179. (In Russ.)
15. Snegireva, L.I. (2018). Reception and placement of evacuated children's institutions in the West Siberian rear (1941-1943). Bulletin of Tomsk State Pedagogical University (TSPU Bulletin), 5, 143-154. (In Russ.)
16. Epifanov, A.E. (2025). From the experience of evacuation of children's and educational institutions of the Soviet state during the Great Patriotic War. State Service and Personnel, 1. (In Russ.)
17. Criminal Code of the RSFSR of 1926 (in the edition in force during the Great Patriotic War). Art. 109, 116. (In Russ.)
18. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of August 7, 1932 "On the Protection of Property of State Enterprises, Collective Farms and Cooperation and the Strengthening of Public (Socialist) Property" // Collection of Laws of the USSR. 1932. No. 62. Art. 360. (In Russ.)
19. Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Volgograd Region. Criminal case No. 26204-3/91 on the charge of M.P. Kapelka under the law of August 7, 1932. 61 sheets. (In Russ.)

Information about the author
Aleksandr E. Epifanov – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of The Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Centre of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Автор заявляет, что генеративные модели искусственного интеллекта не применялись при подготовке данной рукописи.
The author declares that no generative AI models were used in the preparation of this manuscript.

Поступила в редакцию (Reserved) 09.05.2025
Поступила после рецензирования 20.07.2026
Принята к публикации (Accepted) 08.09.2026